

Это старая проблема: есть царь, есть художник. Первый может покровительствовать второму или его гнобить. Второй может считать себя независимым, но действия его все равно во многом определяются отношениями с властью. И как только художник подходит к власти слишком близко, как только покровительство сверху становится очевидным для окружающих, он становится особенно уязвим - и для критики, и для той же власти. Эта проблема сейчас заинтересовала «Ленком» - один из самых обласканных свыше российских театров. Сейчас там репетируется пьеса «Шут Балакирев», рассказывающая о том, как маленький потешный человек Ванька Балакирев слишком близко подошел к трону Петра Первого. Пьесу написал Григорий Горин - любимый ленкомский драматург.

- Григорий Израилевич, почему вдруг сегодня вас заинтересовали Балакирев, петровская эпоха?

- Балакирев был любимым шутком Петра. Биография его по-своему и трагична, и очень характерна для нашего времени. Его взяли из солдат в Преображенском полку. Он шутил и развлекал власть, а со временем власть, как воронка, втягивает человека. Шутейная команда при Петре выполняла ту роль, которую выполняет сегодня наша театральная-литературно-кинематографическая элита. Через них начинают устраивать свои дела, их растаскивают враждующие партии. Балакирев действительно был тем человеком, который мог в любой момент прийти к Петру и решить какие-то вопросы - переведа дело в шутку или, наоборот, подсказав что-то. И когда понял шут, что он перестал быть просто веселящей единицей, а стал коррумпированной фигурой, то он очень заволновался. Вот об этом я и написал пьесу, поскольку это близко и понятно всем нам, занимающимся сегодня искусством.

- Разумеется, в пьесе будут искать некие намеки на конкретных людей. Вы к этому готовы?

- Никаких таких фиговых ассоциаций я не делал, но это все настолько в стихии русской жизни... Вот про это ленкомовцы и решили сделать спектакль. И я, как студент, начинаю нервничать. У меня много пьес играется, «Ленком», по сути, начался с «Тили» - моей пьесы, но это был голландский шут. Свифт был английский шут. А Балакирев - шут российский, и это для меня совершенно новый пласт.

- «Ленком» сегодня часто упрекается именно в излишней близости к власти. Как вам кажется, почему Захаров захотел поставить спектакль про шута и власть?

СПРАВКА «КП»

В будущем спектакле Марка Захарова «Шут Балакирев» Петра Первого будет играть Олег Янковский, Меншикова - Николай Караченцов, Екатерину - Александра Захарова, Ягужинского - Збруев, а Монса - Александр Лазарев-младший. Главную роль - шута Балакирева - исполнит молодой актер Сергей Фролов. Музыка пишет Гладков, декорации придумывает Олег Шейнцис. Премьера ожидается в двухтысячном году.

- Да, эти упреки часто звучат в адрес «Ленкома». Все же тут есть и элементы зависти. Я говорил с одним театральным деятелем, который сказал: «Вот Марк Анатольевич ходит по кабинетам и себе пробивает что-то». На что я ему ответил: «И вы ходите по этим кабинетам, просто его принимают лучше». Все унижаются - и перед спонсорами, и перед властью имущими, которые должны как-то содействовать. Иначе Захаров не удержит коллектив - они разбежались, уйдут в антрепризы и перестанут быть командой. Как говорил один персонаж Бабеля, «в номерах служить - подол заворотить». Поэтому приходится художнику идти на компромиссы. Другое дело, упивается художник таким положением или грустит о нем. Да, Караченцов может плечом открыть любую дверь, и Янковскому откроют, но в первую очередь они актеры, шуты. Им бы платили нормально, как на Западе их ранга актерам, и тогда не надо будет с губернаторами договариваться, чтобы тебе помогли, скажем, дровами. У нас другая страна. Здесь актер не только знаковая

Драматург Григорий ГОРИН:

Янковский знает лучше меня,

КАК МОЛЧИТ

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Из-за оговорки Янковского его Мюнхгаузен сказал об умном лице другой текст...

фигура отдыха. Лицо, которое узнают, есть индугенция к разговору в кабинетах.

- Вы - тоже лицо, которое узнают. Как часто вы этим пользуетесь?

- Ну, мое лицо не так популярно, как лица ленкомовцев. Иногда я пользуюсь, если миллионеры узнают. Они смотрят на меня и говорят: «Григорий, а вы не пьяны ли?» А я: «Ребята, откуда, смотрите, какая у меня машина. (А я езжу на «Жигулях».) Были б деньги, я б «Мерседес» купил». Ну, посмеялись и расстались.

Помнится, когда я шел на похороны Высоцкого, людей было много, а нас, людей с известными лицами, провели через другую дверь. И догнал меня мужик, схватил за руку и сказал: «Проведи, меня от автопарка послали, чтоб я цветы положил». Я говорю: «А что ты ко мне-то пристал?» И он мне удивленно: «А к кому же? Ведь я ж тебя уз-

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Григорий Горин

Писатель, драматург. Автор более двадцати пьес. Писал сценарии к фильмам: «Убить дракона», «Мой нежно любимый детектив», «Формула любви», «Дом, который построил Свифт», «О бедном гусаре замолвите слово», «Тот самый Мюнхгаузен», «Бархатный сезон».

нал». И в этом был абсолютно бесспорный для меня аргумент. То, что он меня знает, дает ему право требовать, чтобы я ему как-то помог.

- Вы очень давно работаете для «Ленкома». Вы влияете на театр, театр влияет на вас. Возникает ощущение, что без вашего стиля «Ленком» как-то не уютно. Была даже история, когда вы перед премьерой «Мистификации» Нины Садур дописывали реплики...

- Мне не хотелось, чтобы это при ней происходило, тем более что Садур - моя наставница. Другое дело, что я - человек театра, по трудовой книжке я драматург «Ленкома». Такой должности даже нигде нет. И я

Григорий Горин: «Запомните, умное лицо - это признак ума!»

кие-то реплики и были, то Нина это приняла. И если мне актеры скажут, что что-то идет не так, я принимаю.

- И вы так легко смиряетесь с тем, что ваши строчки выкидываются?

- Да, если это действительно нужно. Но надо следить. Вот мало кто знает, что в знаменитом фильме нашем, «Мюнхгаузен», в тексте было: «Серьезное лицо еще не признак ума, все глупости на земле делаются именно с таким выражением». Так было у меня. Олег Янковский - при озвучении меня не было - оговорился. Он сказал: «Умное лицо - еще не признак ума». Что полная глупость: умное лицо - это признак ума.

- И все запомнили именно эту фразу.

- Да! И я потом кинулся, говорю Марку: «Давай переозвучим». Но все уже уехало, и так теперь и идет. Слово очень важно. Иногда я ошибаюсь, очень бывает обидно: хорошая шутка или хорошая фраза, а мы ее выкинули, что-то она тормозила. Тогда остается радость прийти куда-то и сказать: «Слушай, а у меня это выкинули». А они: «Как! Это же самая любимая наша фраза!»

- Ваши пьесы «Кин Четвертый» и «Чума на оба ваши дома» почему-то пошли в Театре Маяковского, а не в «Ленкоме». У вас возникли какие-то разногласия с Захаровым?

- Мы с Захаровым так тесно работаем, что уже мешаем друг другу, мы подлаживаемся друг под друга. Все, что я писал, я показывал Захарову. Всегда. И «Чуму» тоже. Ему первый акт понравился, второй не понравился. Он стал требовать совершенно другое решение - чисто режиссерское, и я понял, что превращаюсь из самостоя-

- Мы с Захаровым так тесно работаем, что уже мешаем друг другу

тельной единицы в подручно-го. Этого я не хотел. Мы мирно разошлись, так два раза было. Я не жалею, хотя понимаю, что Захаров это поставил бы по-иному и, может быть, даже лучше.

- Традиция называть актеров шутами очень давняя. Как вам кажется, она и сейчас актуальна?

- Актер - профессия публичная, и не зря их не хоронили вместе с порядочными людьми. За изгородь выносили. Человек, который прикидывается другим, осуждаем всеми религиями.

- Драматург сочиняет для актеров тексты и дает им возможность «прикидываться другими людьми». Получается, что вас тоже можно «вынести за изгородь»?

- Наверное, да. Драматурги ведь немножко и актеры. В Шекспире и Мольере это соединилось. Вообще люди театра - люди публичные. Драматург, пишущий пьесу для самого себя, - явление довольно странное. Для меня это форма сбалансированности: человек не может жить в уединении (а любовь к этому - одна из черт моего характера). А публичность... Мне вполне достаточно, когда я сижу и вижу: они вроде ходят, говорят, нервничают, плачут, и мне занятно, потому что я это придумал.

Беседовала
Валентина ЛЬВОВА.